

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИЙ

DOI: 10.15838/ptd.2019.6.104.7

УДК 304 | ББК 60.56

© Устинова К.А.

СТИМУЛЫ И БАРЬЕРЫ УЧАСТИЯ НАСЕЛЕНИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ¹

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА УСТИНОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
E-mail: ustinova-kseniya@yandex.ru
ORCID: [0000-0002-6198-6462](https://orcid.org/0000-0002-6198-6462); ResearcherID: [I-8164-2016](https://orcid.org/I-8164-2016)

Показана актуальность изучения социальных практик, обусловленная не только необходимостью перехода к инновационному типу развития, в т. ч. создания социальных проектов инновационной направленности, но и отсутствием однозначного толкования данного понятия. Цель работы заключалась в исследовании участия населения в социальных практиках, выявлении стимулов и барьеров. Информационная база включала данные мониторинга качества трудового потенциала населения, социологического исследования «Социальное здоровье» (ФГБУН ВолНЦ РАН), а также мониторинга состояния гражданского общества (НИУ ВШЭ). Приведены различные подходы к трактовке социальных практик, выделены их составляющие. Вовлеченность населения в социальные практики анализировалась в разрезе мотивационной, нормативной составляющих и составляющей, связанной со способностями, как в разрезе социально-демографических групп (принимались во внимание половозрастные характеристики опрошенных), так и в территориальном. В ходе исследования определены барьеры и стимулы вовлеченности населения в социальные практики. Среди первых – отсутствие желания и заинтересованности в таких инициативах, занятость и нехватка времени. Среди вторых – уверенность в реальной пользе от подобной деятельности, опыт участия в практиках, готовность заниматься творческой трудовой активностью на рабочем месте и трудоустройство по творческой профессии. Показано, что стимулирование сотрудников к вовлеченности в социальные практики должно

Для цитирования: Устинова К.А. Стимулы и барьеры участия населения в социальных практиках // Проблемы развития территории. 2019. № 6 (104). С. 102–119. DOI: 10.15838/ptd.2019.6.104.7

For citation: Ustinova K.A. Public participation in social practices: incentives and barriers. *Problems of Territory's Development*, 2019, no. 6 (104), pp. 102–119. DOI: 10.15838/ptd.2019.6.104.7

¹ Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 18-010-00717 «Экосистемный подход к развитию социальных инноваций в современной России: теория и практика».

основываться на комплексном подходе, позволяющем сочетать материальные и нематериальные аспекты. Важная роль должна отводиться партисипативному управлению, предполагающему вовлечение талантливых и креативных сотрудников в управление организацией на основе их карьерного продвижения и участия в инновационных проектах.

Социальные практики, типы социальных практик, стимулы и барьеры участия в социальных практиках, готовность к участию в социальных проектах, готовность объединяться с другими людьми для каких-либо совместных действий, ответственность за состояние дел, возможность повлиять на происходящие события.

Разрешение большей части экономических проблем в значительной степени сопряжено с учетом институциональных аспектов в управлении, в связи с тем что качество институциональной среды влияет на направления, формы, условия и саму возможность модернизационных процессов в экономике. Учитывая это, первостепенной задачей органов власти является создание действенной и эффективной системы институтов [1, с. 9]. «Экономическое чудо» небольшой группы стран, связанное с быстрым экономическим ростом (более 7% годовых) на протяжении 15–30 лет, по словам В.М. Полтеровича, стало возможным благодаря проведению институциональных реформ по единым принципам, формированию институциональных траекторий, содержащих ряд аналогичных промежуточных институтов [2, с. 35]. Если обратиться к более раннему периоду, например 1970–1990-е гг., то рядом исследователей (Д. Эйсмоглу, С. Джонсон, Дж. Робинсон, Ю. Тэйчерэн [3]) обосновывается, что экономический рост в значительной степени определялся параметрами, отражающими сложившуюся институциональную структуру. Содержательно это проявлялось в том, что в странах с более «сильной» институциональной структурой влияние дестабилизирующей макроэкономической политики оказывалось менее существенным, в то время как страны со «слабыми» институтами подвержены кризисам в большей мере.

Своего рода источником институтов выступают социальные практики. Они, с одной стороны, позволяют гибко реагировать на социальные изменения, открываться новому опыту, с другой – дают ощущение стабильности жизненного мира, поскольку предопределяют набор действий и осво-

буждают индивида от необходимости постоянного решения одних и тех же вопросов. Это происходит за счет того, что повторяющиеся социальные действия и образцы поведения становятся привычными, затем превращаются в социальную практику и в последствии институционализируются. Социальные практики в ходе институционализации могут стать устойчивыми и оказывать как организующее влияние на социальную жизнь, так и дестабилизирующее из-за девиантных форм проявления социальной активности. Тем самым в повседневной жизни людей они могут влиять на изменение социальных институтов и социальной структуры общества в целом, способствуя преодолению «разрыва» между микро- и макроуровнями [4].

Социальные практики связывают с осознанным участием индивидов и социальных групп в жизни гражданского общества на основе баланса личных и общественных интересов. Причем эта активность, предполагающая участие в разного рода инициативах, основывается на познавательной компоненте (знание о правах, обязанностях, информированность о гражданских инициативах и др.), мотивационной (межличностное и институциональное доверие, сплоченность, ответственность) и нормативной составляющих. Доверие является одним из важнейших факторов, способствующих поддержанию устойчивости и интегрированности общества, определяющих характер социальных отношений [5, с. 7], возможность участия населения в социальных практиках. Без преодоления «кризиса доверия» органам власти не может быть эффективным процесс консолидации социума [6, с. 23]. В настоящее время доверие невысоко как по отношению к обществу в целом, так и к его институтам [7].

Его уровень различается в зависимости от типа стран. В прогрессивных культурах «радиус» доверия и общественной идентификации выходит за пределы семьи и охватывает более широкое социальное целое, в то время как в традиционных, напротив, ограничивается семейными рамками [8, с. 25–26]. Помимо межличностного и институционального доверия, информированности населения о гражданских инициативах существуют и другие факторы, которые оказывают влияние на вовлеченность в социальные практики. Учитывая обозначенное выше, цель статьи состоит в исследовании участия населения в социальных практиках, выявлении стимулов и барьеров данного процесса.

«Исследовательская линия» была связана с рассмотрением теоретических аспектов, в частности подходов к определению социальных практик, выявлением составляющих социальных практик, анализом участия населения в социальных практиках через призму мотивационной, нормативной составляющих и составляющей, связанной со способностями населения, при этом принимались во внимание социально-демографические и территориальные аспекты. Стимулы и барьеры участия населения в социальных практиках рассматривались с позиции способствующих и препятствующих факторов для осуществления подобных инициатив. Использовались косвенные² и прямые³ вопросы.

**Социальные практики:
к определению понятия**

Исследование феномена социальных практик как социального явления началось со второй половины XX века [9], а в социологической науке – с 70-х годов XX века с работ П. Бурдье «Набросок теории практики» и К. Гирца «Интерпретация культур». Развитие теории социальных практик связывают с такими именами, как П. Бурдье, П. Бергер, Т. Лукман, Л. Витгенштейн, Г. Гарфинкель, Э. Гидденс, К. Гирц, И. Гофман, Т. Парсонс, А. Шюц, в Рос-

сии – с именами Т.И. Заславской, Л.Г. Ионина, Н.Н. Козловой, В.А. Лукова и др.

В научной литературе социальные практики рассматривают как минимальные единицы для интерпретации социальной реальности (П. Бурдье, Э. Гидденс, М. Фуко). Их характеризуют с позиций действий [10], многократность повторения которых основывается на «мы-отношении» [11], связанном с проявлением социальной групповой идентичности. Повторяемость действий и постоянный характер использования норм позволяет говорить об их институциональном статусе [12; 13]. Последний предполагает наличие не только нормативной, но и концептуальной составляющей, связанной со знаниями носителей социальных практик [14], с возможностью их распространения и использования на регулярной основе [15]. За счет изменения отдельных составляющих социальной практики, например концептуальной, может изменяться и процесс ее институционализации в целом [16]. В свою очередь, справедливо и обратное – альтернативные способы использования институтов могут порождать новые знания, что может воздействовать и на концептуальную составляющую социальной практики. Тем самым, социальные практики способны изменяться и обновляться, в т. ч. и с опорой на новое знание [17; 18]. Процесс трансформации социальных практик обуславливается не только изменением их отдельных составляющих, но и тем обстоятельством, что в каждой конкретной ситуации соответствующие институциональные нормы могут проходить модификацию, связанную с необходимостью учета конкретных обстоятельств (либо потребностей практической деятельности, либо имеющихся компетенций участников [19]).

Выделяют несколько теорий, с опорой на которые обсуждается проблематика социальных практик: структуралистский конструктивизм П. Бурдье, теория структуризации Э. Гидденса и этнометодология Г. Гарфин-

² Вопросы, в рамках которых обсуждалось, например, трудоустройство по творческой/нетворческой профессии, а также отдельные характеристики населения, связанные с готовностью к участию в подобного рода инициативах.

³ Вопросы, посредством которых у населения напрямую спрашивалось о стимулах и барьерах, способствующих и препятствующих участию в социальных практиках.

келя. В рамках первой из обозначенных социальные практики характеризуются с позиций соответствия поведенческих актов социальных субъектов сложившимся представлениям об окружающей действительности. В данном случае социальные практики рассматриваются в контексте взаимодействия с социальной средой: с одной стороны, ей детерминируются, с другой, воздействуют на нее, изменяя ее структуру. Структуралистский конструктивизм П. Бурдьё – концепция, в которой структуры оказывают воздействие на всех членов общества. Сами же агенты характеризуются с позиций набора качеств, позволяющих осуществлять социальные практики. П. Бурдьё в качестве одной из способностей действующего агента рассматривает творческую, изобретательную [20, с. 88]. По мнению французского социолога, «агент» осуществляет практики, заложенные в нем изначально, в ходе социализации, в результате чего у него вырабатываются определенные модели поведения⁴. В свою очередь, социальные практики агентов способствуют формированию социальных структур, так называемых «символических матриц практической деятельности, поведения, мышления».

В рамках последней из обозначенных теоретических концепций обращается внимание на повседневные действия людей, на их мышление в ходе осуществления этих действий. Анализу подвергаются практики поддержания социального порядка, представления членов общества о собственных инициативах [21, с. 15–16]. Социальный порядок задается через основанные на здравом смысле практические действия, правила осуществления которых не могут быть получены извне, без рассмотрения «внеположенной индивидами реальности». Объяснительные модели, к которым прибегают индивиды для интерпретации практик, являются следствием проанализированных ими действий [22]. В рамках данной концепции рассматриваются и ситуации намерен-

ного отклонения действий от их ожидаемого течения, в то время как в рамках структуралистского конструктивизма, напротив, акцентируется внимание на аспектах, связанных с соответствием поведенческих актов субъектов представлениям об окружающей действительности.

В рамках теории структуризации Э. Гидденса каждый член общества рассматривается с позиции конструктора, который при осуществлении взаимодействий опирается на свои знания и практический опыт. Позиция конструктора позволяет обеспечивать воспроизводство общества. При этом знания участников не рассматриваются как случайные по отношению к моделированию социальной жизни, а являются его интегральной частью⁵.

Учитывая сложившиеся при характеристике социальных практик объективную и субъективную акцентировки, можно выделить и соответствующие подходы к трактовке данного понятия. В рамках объективного подхода на первый план выходят институциональные аспекты и социальная практика трактуется как вид практики, основанный на общественных институтах, с использованием которых осуществляется воздействие на систему общественных отношений, в результате чего изменяется как человек, так и общество. Помимо этого, обращается внимание на взаимосвязанное и взаимоориентированное поведение акторов, которое укореняется в социокультурных нормах [23]. В приведенных трактовках речь идет, с одной стороны, о том, как социальные практики оказывают влияние на институциональные аспекты, с другой стороны, как те, в свою очередь, воздействуют на социальные практики.

В рамках субъективного подхода в зоне внимания оказываются характеристики участников социальных практик. Речь идет о совокупности социальных действий, в рамках которых реализуются потребности и интересы, применяются определенные умения (Бергер,

⁴ Структуралистский конструктивизм П. Бурдьё как механизм воздействия на общество. URL: file:///C:/Users/ука/Downloads/strukturalistskiy-konstruktivizm-p-burdie-kak-mehanizm-vozdeystviya-na-obschestvo.pdf (дата обращения 27.08.2019).

⁵ Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас: учебн. пособие. Новосибирск, 1995. 120 с.

Лукман, 1995). Помимо этого, учитывается, что в ней участвуют субъекты, наделенные сознанием и волей, а также установками, связанными с качественным изменением своей социальной среды, которые воплощаются в конкретных формах и моделях поведения [24].

Обобщая некоторые приведенные выше положения, характеризующие социальные практики, следует отметить, что в них акцентируется внимание, с одной стороны, на объективных аспектах способов деятельности людей, с другой – на субъективных. Делается вывод о привязке социальных практик к определенному контексту (рассмотрение их как влияющих на социальную среду, так и ей детерминированных). В действиях социальных агентов воплощается программа общества, реализация которой зависит от места, занимаемого этими агентами в общественной структуре. Акцентируется внимание как на соответствии поведенческих актов субъектов сложившимся представлениям об окружающей действительности, так и на возможных отклонениях. При характеристике субъективных аспектов речь идет о наборе качеств, позволяющих осуществлять эти практики, различных способностях, в т. ч. и творческих.

Тем самым, говоря про социальные практики, речь идет фактически об их «промежуточном» положении между конкретными действиями и институционализированными формами их проявлений. В связи с этим неудивительно наличие по меньшей мере двух типов определений исследуемого понятия, акцентирующих внимание, с одной стороны, на совокупности социальных действий, предполагающих реализацию определенных интересов и применение умений, с другой стороны, трактующих социальные практики как вид практики, опирающийся на общественные институты, с помощью которых осуществляется воздействие на систему общественных отношений. Подчеркнем, что в первом случае в большей степени обращается внимание на субъективные аспекты, мотивационные и когнитивные, во многом зависящие от агентов, вовлеченных в эти

практики. В то время как во втором случае в зоне внимания, напротив, находятся объективные аспекты, связанные с институционализацией осуществляемых действий.

Несмотря на наличие полярных подходов к трактовке социальных практик, будем исходить из необходимости фиксации через определение их функционального назначения – сервисной роли по отношению к социальным институтам (первые выступают своего рода «строительным материалом» по отношению ко вторым). Тем самым, социальные практики будем определять с позиции совокупности повторяющихся действий индивидов, групп, общностей, организаций в реальном времени и пространстве, обеспечивающих устойчивое функционирование социальных институтов [25]. Обращение в данной формулировке внимания на пространственно-временные характеристики не противоречит отдельным теоретическим положениям, например, Э. Гидденса, который, говоря о социальных практиках, подчеркивал, что социальные действия разворачиваются в пространстве и во времени.

Еще один важный аспект связан с институционализацией социальной практики, с ее закреплением, формализацией. Институционализация как процесс включает ряд последовательных этапов: появление социальной практики как следствие потребности в организованных, совместных действиях; ее популяризация (появление социальных норм и правил и узаконение их методом проб и ошибок); рутинизация (принятие и практическое применение (формализация) норм, правил, процедур, установление системы санкций для поддержания норм и правил); закрепление (организационное оформление возникшей институциональной структуры, ее интеграция в существующую систему общественных отношений).

В социальных практиках заложена способность к институционализации, при этом они являются гибкими и предполагают возможность трансформации. Учитывая последнее обстоятельство, социальные практики могут быть традиционными или новыми. Первые зачастую «не выделяются»

из повседневности, связаны с каждодневным человеческим существованием, в то время как вторые, напротив, способствуют открытости новому опыту, более гибкому реагированию на социальные изменения, в ряде случаев могут приводить к формированию новых идентичностей [26]. Актуальность использования практик второго типа возрастает в кризисный период, когда особенно остро ощущается необходимость разработки институциональных механизмов, стимулирующих социально-инновационную активность как отдельных индивидов, так и социальных групп. В ряде случаев может возникать необходимость создания институциональных механизмов стимулирования социальной инновационной активности и, тем самым, формирования институциональных условий для поддержания и развития социальных инновационных проектов [27, с. 58–59].

Одним из примеров социальных практик является волонтерство. Оно формирует предпосылки для успешной социализации в профессиональном плане, позволяет накопить необходимые умения и навыки, опыт самостоятельной деятельности и личной ответственности. Тем самым, участие в волонтерском движении создает условия для совершенствования мотивационной, когнитивной и нормативной составляющих социальных практик. В подобного рода инициативах могут принимать участие и молодые люди. Социальные практики с участием молодежи представляют собой совокупность определенных действий, направленных на реализацию интересов и накопленного потенциала этой группы населения.

Методические аспекты исследования

Вовлеченность населения в социальные практики анализировалась нами в разрезе различных составляющих: мотивационной, связанной со способностями и нормативной. Поскольку «запуск» социальных практик связан с мотивационной составляющей, она рассматривалась в первую очередь. Использовались следующие вопросы:

- *Ответьте, пожалуйста, чувствуете ли Вы себя ответственным за состояние дел ...?*
- *Как Вы считаете, можете ли Вы лично сегодня повлиять на состояние дел ...?*

При этом в рамках данных вопросов мотивационные аспекты характеризовались на разных уровнях (семья, работа, город, регион, страна), что создает предпосылки для выявления потенциала участия населения как в локальных инициативах, так и в проектах более охватывающего уровня.

Важную роль мотивационные аспекты приобретают в условиях участия населения в социальных практиках, связанных с реализацией инновационных проектов. В этом случае большое значение приобретает мотивационная установка – готовность к нововведениям, поиск личностного смысла в данном конкретном инновационном проекте, направленном на решение социальных задач. Она побуждает к поиску изменения устоявшихся путей, способов участия в социальных практиках.

Познавательная сторона вовлеченности населения в социальные практики связывалась нами в первую очередь со способностями, в частности с готовностью к объединению с другими, к реализации социальных проектов и проявлению себя в творческом плане. Значимым конструктом когнитивной компоненты служит креативность, проявляющаяся в творческом преобразовании социальной практики. В работе принималась во внимание степень готовности населения участвовать в реализации проектов социальной направленности. В исследовании обозначенные аспекты изучались с использованием следующих вопросов:

- *Есть люди, готовые объединяться с другими людьми для каких-либо совместных действий, если их идеи и интересы совпадают. И есть люди, не готовые объединяться. К кому бы Вы отнесли себя – к первым или ко вторым?*
- *Насколько Вы готовы ... (усваивать новые ценности, образцы поведения;*

участвовать в реализации социальных проектов; заняться творческой трудовой активностью на рабочем месте; изучать и использовать в своей работе и быту новые технологии)?

Отметим, что готовность населения к реализации отдельных планов и проектов характеризовалась в зависимости не только от профессии (творческая / нетворческая), но и от того, насколько для человека были свойственны те или иные качества и важны те или иные аспекты.

Вовлеченность населения в социальные практики с позиций нормативной составляющей анализировалась нами с использованием вопросов как о непосредственном участии населения в социально значимых мероприятиях, так и о планах относительно проявления себя в подобных инициативах в будущем.

Для этих целей использовались следующие вопросы:

- *Как часто Вы принимали участие на безвозмездной основе в мероприятиях, направленных на решение социально значимых проблем в регионе (городе, селе), за последние 12 месяцев?*
- *Допускаете или исключаете для себя участие в подобных мероприятиях в будущем?*

Подчеркнем, что обозначенные составляющие социальных практик анализировались как в разрезе социально-демографических групп населения (принимались во внимание половозрастные характеристики опрошенных), так и в территориальном. Подобный подход соотносится с позицией Т. Парсонса, который, характеризуя модель социального действия, принимал во внимание личностную подсистему (индивидуальные особенности акторов) и органическую (взаимодействие актора со средой). Подчеркивая необходимость рассмотрения изучаемого явления в территориальном разрезе, отметим, что в работе для этих целей использовались как данные социологического

исследования, проведенного на территории отдельных регионов СЗФО, так и данные общероссийского исследования состояния гражданского общества. Более детально используемая в исследовании информационная база представлена ниже.

Характеристика информационной базы исследования

В качестве информационной базы исследования выступили:

- данные мониторинга качества трудового потенциала населения, проведенного Вологодским научным центром РАН в 2018 году. Выборка – квотная с пропорциональным размещением единиц наблюдения, ее объем составляет 1500 чел. трудоспособного возраста (мужчины 16–59 лет; женщины 16–54 лет) в Вологде и Череповце и восьми районах области. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области, а также пропорций между занятым, безработным (зарегистрированы на бирже труда) и экономически неактивным населением (студенты, учащиеся, домохозяйки и другие неработающие). Величина случайной ошибки выборки – 3–4% при доверительном интервале 4–5%. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Обработка анкет проведена в программе SPSS (Statistical Package for the Social Sciences);

- данные социологического исследования «Социальное здоровье», проведенного в 2019 году на территории трех субъектов СЗФО (Вологодской, Псковской областей, Республики Карелии). Объем выборочной совокупности составляет 1600 чел.;

- данные мониторинга состояния гражданского общества, проведенного Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ в 2007–2017 гг., данные всероссийского опроса городского и сельского населения России 18+

(телефонное интервью, 2018 год, N = 2058 человек). Выборочная совокупность поделена на страты. В качестве критерия стратификации использовалось принятое в РФ деление на 8 федеральных округов. Выборка распределялась по стратам пропорционально численности жителей в возрасте 18 лет и старше, проживающих на территории страты. Контрольными параметрами репрезентативности выборки в каждом округе стали половозрастная структура и образовательный уровень респондентов⁶.

Результаты исследования

Активность населения относительно участия в разного рода инициативах и социальных практиках основывается не только на нормативной составляющей и составляющей, связанной со способностями, но и на мотивационной (готовность влиять на состояние дел, ответственность за происходящее).

Зачастую высокую ответственность за происходящее и готовность к преобразовательным действиям рассматривают в качестве стимула к осуществлению социальных практик, в то время как в обратной ситуации речь идет о барьерах.

Полученные данные свидетельствуют о том, что по мере перехода от «семьи» к «работе», а затем к «городу» или «региону» ответственность за состояние дел снижается. На уровне семьи она проявляется более чем в 90% случаев, на уровне места проживания – только в половине (табл. 1). Тем самым, склонность к демонстрации социально ответственного поведения прослеживается преимущественно на «короткой дистанции», замкнута на самом человеке или близком окружении. Эта особенность характерна для россиян всех поколений с той лишь разницей, что молодежь зачастую оказывается более далекой от «общественного видения»

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Чувствуете ли Вы себя ответственным за состояние дел ...?», % от числа опрошенных

	Вологодская область	Псковская область	Республика Карелия	Пол		Возраст		
				мужчины	женщины	до 30 лет	от 30 до 60 (55) лет	старше 60 (55) лет
В Вашей семье								
Да	95,3	93,3	94,3	93,8	95,1	93,4	95,3	93,9
Нет	4,7	6,7	5,7	6,2	4,9	6,6	4,7	6,1
У Вас на работе								
Да	61,8	78,4	80,7	70,6	70,7	70,5	77,5	59,1
Нет	38,2	21,6	19,3	29,4	29,3	29,5	22,5	40,9
В Вашем доме, дворе, где Вы живете								
Да	46,7	57,3	53,1	51,3	50,7	43,9	51,2	53,9
Нет	53,3	42,7	46,9	48,7	49,3	56,1	48,8	46,1
В Вашем городе, районе								
Да	18,2	26,5	15,1	18,6	20,0	17,9	20,1	19,0
Нет	81,8	73,5	84,9	81,4	80,0	82,1	79,9	81,0
В Вашем регионе								
Да	10,2	19,6	6,2	13,6	9,9	12,9	13,4	8,1
Нет	89,8	80,4	93,8	86,4	90,1	87,1	86,6	91,9
В стране в целом								
Да	10,4	19,8	5,7	13,1	10,3	12,6	13,2	8,5
Нет	89,6	80,2	94,3	86,9	89,7	87,4	86,8	91,5
Источник: данные социологического исследования «Социальное здоровье», ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019 год.								

происходящего, чем представители средних и старших возрастных групп [28]. Подобное может негативно отражаться на готовности населения к участию в крупных социальных проектах и инициативах, которые имеют значение, например, для развития города или региона в целом.

Как уже было отмечено выше, аналогичная ситуация складывается не только на региональном, но и на российском уровне. Данные всероссийского опроса городского и сельского населения, посвященного проблематике гражданского общества и некоммерческого сектора, свидетельствуют, что на самом нижнем уровне (дом, двор) наблюдается бóльшая ответственность за состояние дел. Практически каждый девятый из десяти ощущал это состояние, в то время как на уровне города и страны таких было уже существенно меньше (в 2017 году 67 и 52% соответственно; *рис. 1*).

Важным стимулом, формирующим заинтересованность населения в участии в социальных практиках, является ощущение возможности повлиять на состояние дел. Так же как и в первом случае, бóльшая часть населения может изменить ситуацию на уровне семьи (подобные ответы распространены практически у каждого девятого из десяти), в то время как на уровне города или региона таких людей меньше (например, в отдельных областях лишь каждый десятый; *табл. 2*). В территориальном разрезе бóльшую готовность к изменению состояния дел выражали жители Псковской области, в разрезе социально-демографических групп населения – мужчины и представители средних возрастов.

В целом по стране наблюдалась схожая закономерность. Население чаще выражало готовность к изменению ситуации на уровне своего ближнего окружения, реже – на уровне города и страны (*рис. 2*).

Помимо мотивационных составляющих (ответственность за состояние дел и возможность влияния на происходящие события), важная роль должна отводиться и аспектам, связанным со способностями населе-

Рис. 1. Ответственность респондентов за происходящее на разных социальных дистанциях, % от числа опрошенных

Источник: данные мониторинга состояния гражданского общества, НИУ ВШЭ.

Рис. 2. Возможность респондентов повлиять на происходящее на разных социальных дистанциях, % от числа опрошенных

Источник: данные мониторинга состояния гражданского общества, НИУ ВШЭ.

ния. Среди последних выделяют способность к объединению для решения возникающих вопросов, которая может рассматриваться в качестве одного из стимулов к участию в социальных практиках. Судя по имеющимся у нас данным, эта способность различается в разрезе социально-демографических групп населения и по территориальному признаку. Чаще ее демонстрируют женщины (70% против 64) и молодежь (73% по сравнению с 62% для представителей старших поколений), а в территориальном разрезе – жители Псковской области и Республики Карелии (*табл. 3*).

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, можете ли Вы лично сегодня повлиять на состояние дел ...?», % от числа опрошенных

	Вологодская область	Псковская область	Республика Карелия	Пол		Возраст		
				мужчины	женщины	до 30 лет	от 30 до 60 (55) лет	старше 60 (55) лет
В Вашей семье								
Да	92,6	87,1	87,6	90,4	89,7	86,5	92,9	87,4
Нет	7,4	12,9	12,4	9,6	10,3	13,5	7,1	12,6
У Вас на работе								
Да	52,1	74,9	69,6	64,4	60,0	62,0	68,9	50,7
Нет	47,9	25,1	30,4	35,6	40,0	38,0	31,1	49,3
В Вашем доме, дворе, где Вы живете								
Да	40,8	60,3	50,5	50,6	46,0	44,0	49,4	47,7
Нет	59,2	39,7	49,5	49,4	54,0	56,0	50,6	52,3
В Вашем городе, районе								
Да	10,3	21,5	8,0	12,7	12,2	14,2	13,6	9,9
Нет	89,7	78,5	92,0	87,3	87,8	85,8	86,4	90,1
В Вашем регионе								
Да	5,8	11,6	2,7	7,8	5,3	8,0	7,4	4,2
Нет	94,2	88,4	97,3	92,2	94,7	92,0	92,6	95,8
В стране в целом								
Да	5,8	11,9	2,3	7,8	5,3	7,5	7,2	4,7
Нет	94,2	88,1	97,7	92,2	94,7	92,5	92,8	95,3

Источник: данные социологического исследования «Социальное здоровье», ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019 год.

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Есть люди, готовые объединиться с другими людьми для каких-либо совместных действий, если их идеи и интересы совпадают. И есть люди, не готовые объединяться. К кому бы Вы отнесли себя – к первым или ко вторым?», % от числа опрошенных

	Вологодская область	Псковская область	Республика Карелия	Пол		Возраст		
				мужчины	женщины	до 30 лет	от 30 до 60 (55) лет	старше 60 (55) лет
К тем, кто готов объединяться	15,8	39,9	27,1	22,6	26,8	30,1	23,6	24,4
Скорее к тем, кто готов объединяться	44,8	34,6	44,9	41,3	42,8	42,6	45,0	37,8
Скорее к тем, кто не готов объединяться	18,4	14,8	19,6	19,2	16,6	14,8	17,3	19,9
К тем, кто не готов объединяться	21,0	10,7	8,4	16,9	13,8	12,5	14,1	17,9

Источник: данные социологического исследования «Социальное здоровье», ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019 год.

Способность к объединению для решения возникающих вопросов у населения может развиваться за счет осознания социального характера практик, формирования готовности к безвозмездному участию в них. Фактические данные свидетельствуют о том, что

большую активность в этом плане также демонстрировали указанные ранее социально-демографические группы населения (табл. 4).

Кроме того, представители этих групп чаще, чем в остальных случаях, были склонны к участию в социально-ориентирован-

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос «Как часто Вы принимали участие на безвозмездной основе в мероприятиях, направленных на решение социально значимых проблем в регионе (городе, селе) за последние 12 месяцев?», % от числа опрошенных

	Вологодская область	Псковская область	Республика Карелия	Пол		Возраст		
				мужчины	женщины	до 30 лет	от 30 до 60 (55) лет	старше 60 (55) лет
Регулярно	5,3	10,4	5,8	5,7	7,7	5,3	6,7	7,6
Время от времени	24,0	27,3	28,3	20,7	30,2	29,6	26,8	23,3
Один раз	14,8	18,1	12,9	16,1	14,5	19,6	14,8	13,9
Никогда	55,9	44,2	52,9	57,5	47,6	45,5	51,7	55,2

Источник: данные социологического исследования «Социальное здоровье», ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019 год.

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос «Вы допускаете или исключаете для себя участие в подобных мероприятиях в будущем?», % от числа опрошенных

	Вологодская область	Псковская область	Республика Карелия	Пол		Возраст		
				мужчины	женщины	до 30 лет	от 30 до 60 (55) лет	старше 60 (55) лет
Допускаю	47,2	57,5	63,3	45,6	60,9	66,5	55,4	47,1
Исключаю	52,8	42,5	36,7	54,4	39,1	33,5	44,6	52,9

Источник: данные социологического исследования «Социальное здоровье», ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019 год.

ных мероприятиях и в будущем (женщины – в 61% случаев против 46% у мужчин, молодежь – в 67% случаев против 47% у представителей старшего поколения), что может выступать косвенным свидетельством устойчивости их установок в этом направлении (табл. 5).

В исследовании показано, что на вовлеченность в социальные практики наряду с аспектами, которые зависят непосредственно от населения (ответственность, установки на участие в социальных практиках), могут влиять и обстоятельства, связанные с характеристиками рабочих мест. В качестве стимула для участия в социальных практиках может выступать готовность заниматься творческой трудовой активностью на рабочем месте. Судя по имеющимся данным, люди, готовые к проявлению творческой трудовой активности на рабочем месте, легче по сравнению с остальными сходятся с окружающими, реже испытывают неловкое состояние при общении даже с новыми людьми, чаще выражают готовность прислушиваться к мнению других, соблюдать рабочие обязанности и в целом демонстрировать законопослушное поведение

(табл. 6). Соответственно, можно говорить о том, что у готовых проявлять себя в творческом плане существует не только и не столько инновационный потенциал для этих целей, сколько склонность к взаимодействию с окружающими для понимания и принятия их позиции, для решения возникающих вопросов коллективным образом. В свою очередь, это составляет своего рода «ядро» социального, находящего проявление и в социальных практиках.

На вовлеченность населения в социальные практики может влиять и трудоустройство по творческой/нетворческой профессии. С использованием фактических данных в исследовании показано, что люди нетворческой профессии реже склонны к усвоению новых образцов поведения, соответствующих современному образу жизни, к использованию новых технологий, к участию в социальных проектах, ориентированных на решение проблем (табл. 7). Учитывая обозначенное выше, можно подчеркнуть, что барьером для участия в социальных практиках в данном случае будет являться трудоустройство по нетворческой профессии, что не способствует формированию и развитию не только твор-

Таблица 6. Готовность к реализации социальных проектов и к проявлению творческой трудовой активности в зависимости от того, насколько для человека характерны те или иные качества и важны те или иные аспекты, % от числа опрошенных

	Готовность к реализации социальных проектов, направленных на решение местных проблем		Готовность заняться творческой трудовой активностью на рабочем месте (выступать с рационализаторскими предложениями, участвовать в создании чего-то нового)	
	Готов	Не готов	Готов	Не готов
Вы всегда ведете себя так, как принято в кругу людей, среди которых Вы находитесь?				
Да, это свойственно мне	48,3	47,9	53,3	43,1
Нет, это мне не свойственно	51,7	52,1	46,7	56,9
Выступать или высказываться в присутствии большого числа людей Вам трудно?				
Да, это свойственно мне	16,8	32,2	23,0	30,7
Нет, это мне не свойственно	83,2	67,8	77,0	69,3
У Вас всегда есть четко разработанный план, который соблюдается?				
Да, это свойственно мне	30,6	20,6	32,5	18,9
Нет, это мне не свойственно	69,4	79,4	67,5	81,1
Вы часто упускаете разные возможности потому, что не в состоянии принять решение?				
Да, это свойственно мне	13,3	15,7	12,3	17,6
Нет, это мне не свойственно	86,7	84,3	87,7	82,4
Вы легко сходитесь с людьми и хорошо себя чувствуете в их обществе?				
Да, это свойственно мне	51,2	44,8	53,8	46,3
Нет, это мне не свойственно	48,8	55,2	46,2	53,7
Вам трудно поддерживать разговор с человеком, с которым Вы только что познакомились?				
Да, это свойственно мне	16,8	21,8	17,9	22,5
Нет, это мне не свойственно	83,2	78,2	82,1	77,5
Для Вас важно терпимость, уважение к взглядам и мнениям других людей?				
Важно	81,2	70,1	80,0	70,2
Не важно	18,8	29,9	20,0	29,8
Для Вас важно соблюдение законов, законопослушность?				
Важно	80,1	60,7	77,9	58,0
Не важно	19,9	39,3	22,1	42,0
Для Вас важно соблюдение рабочих обязанностей?				
Важно	88,2	83,0	90,3	82,8
Не важно	11,8	17,0	9,7	17,2
Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области за 2018 год, ФГБУН ВолНЦ РАН.				

ческого и инновационного потенциала, но и потенциала социального взаимодействия.

Более точное представление о вовлеченности населения в социальные практики, имеющие инновационную направленность, позволяет дать анализ ответов на вопрос, в котором наряду с готовностью принимается во внимание и участие населения в подобных инициативах (табл. 8).

Судя по имеющимся у нас данным, в среднем по выборочной совокупности менее 1% опрошенных вовлечены в подобные практики. Положительным фактом можно признать то обстоятельство, что от 18 до 25% респондентов в зависимости от региона проживания выражают готовность к участию в проектах инновационной направленности, связанных с решением социальных проблем.

Таблица 7. Степень готовности к реализации отдельных планов в зависимости от творческой/нетворческой профессии, % от числа работающих (100% по строке)

Вариант ответа	Готов и уже реализую	Готов	Не готов	Затрудняюсь ответить
Усваивать новые ценности, образцы поведения, соответствующие современному образу жизни				
1. Творческая профессия	10,9	54,6	18,6	15,9
2. Нетворческая профессия	5,2	37,2	35,0	22,5
Работающие в целом	7,1	42,9	29,7	20,4
Изучать и использовать в своей работе и быту новые технологии				
1. Творческая профессия	14,6	57,6	14,9	13,0
2. Нетворческая профессия	8,4	41,7	29,4	20,5
Работающие в целом	10,4	46,8	24,7	18,1
Заняться творческой трудовой активностью на рабочем месте (рацпредложения, участие в создании чего-то нового и т. п.)				
1. Творческая профессия	11,1	41,9	29,2	17,8
2. Нетворческая профессия	3,6	23,1	52,0	21,4
Работающие в целом	6,0	29,2	44,6	20,2
Участвовать в реализации социальных проектов, направленных на решение местных проблем				
1. Творческая профессия	4,2	26,0	38,7	31,0
2. Нетворческая профессия	2,2	15,5	53,2	29,0
Работающие в целом	2,8	18,9	48,5	29,7
Источник: данные мониторинга трудового потенциала населения Вологодской области, 2018 год.				

Таблица 8. Распределение ответов на вопрос «Лично Вы готовы к участию в инновационных проектах, направленных на решение конкретных социальных задач?», % от числа опрошенных

Вариант ответа	Вологодская область	Псковская область	Республика Карелия	Среднее по опросу
Уже участвую	1,0	0,0	1,5	0,8
Готов, но не участвую	17,9	23,0	25,0	22,0
Не участвую и не готов	57,5	51,8	47,3	52,2
Затрудняюсь ответить	23,6	25,3	26,3	25,1
Источник: данные опроса «Социальное здоровье – 2019. Регионы СЗФО». ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019 год.				

Следовательно, при создании благоприятных условий они могут перейти в разряд участвующих в таких инициативах. Соответственно, успешное решение этой задачи во многом зависит от стимулирования данной группы населения.

Стимулы и барьеры, способствующие и препятствующие вовлеченности разных групп населения в социальные практики, в исследовании выявлялись с помощью не только вопросов, позволяющих сформировать косвенное представление по данному направлению, но и вопросов, посредством которых у населения напрямую спрашивалось об этом (табл. 9).

Анализ ответов на вопрос о стимулах к участию в социальных проектах позволил не только их ранжировать, но и составить о них более содержательное представление. В частности, было выявлено, что ведущее место в полученном перечне принадлежит материальной выгоде от участия в подобно-го рода инициативах – каждый четвертый отмечал данный вариант ответа. Поскольку вопрос относился к открытым, то принимались во внимание и комментарии, которые давались респондентами. Материальная выгода сводилась ими к возможности получения либо дополнительного заработка, либо добавки к пенсии, а в общем виде рассма-

Таблица 9. Стимулы к участию в социальных проектах, % от числа ответивших

Стимул	%
1. Материальная выгода	26,3
2. Значимость и актуальность проекта, интересная тема, личная заинтересованность в теме проекта	24,4
3. Уверенность в реальной пользе проекта, нацеленность на результат	16,3
4. Больше информации о социальных проектах	8,1
5. Участие друзей, коллег, знакомых, большого количества людей, единомышленников	7,9
6. Поощрение другими способами (не деньгами): грамота, награда, льготы, отгул, дополнительный выходной	5,4
7. Больше свободного времени	4,6
8. Общение, новые знакомства и связи, получение нового опыта и знаний	3,5
9. Возможность самореализации, проявить себя	2,7
10. Финансирование проекта	1,6
11. Улучшение жизни	1,4
12. Личное приглашение	0,8
13. Ухудшение жизни	0,5
Источник: данные опроса «Социальное здоровье – 2019. Регионы СЗФО». ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019 год.	

тривалась как материальное вознаграждение или поощрение.

Помимо этого, большая роль отводится респондентами и нематериальным аспектам, связанным с актуальностью проекта и заинтересованностью в нем (24%), уверенностью в его реальной пользе, нацеленностью на результат (16%), наличием информации о социальных проектах и участием в них ближайшего окружения (8%).

Если ключевым стимулом, положительно влияющим на склонность к подобного рода инициативам, признается материальный, то среди барьеров первые позиции занимают нематериальные аспекты. Первая «тройка» барьеров, сдерживающих общественную инициативу, связана с отсутствием времени (50%), сил и здоровья (18%), а также желания участвовать в социальных проектах (13%). Кроме этого, респонденты упоминали недостаток информации о том, что такое социальные проекты (7%), неуверенность в пользе от такой общественной деятельности (5%; табл. 10).

Обобщая полученные результаты, следует заключить, что среди побуждающих к участию в социальных практиках факторов нами рассматривались как мотивационные аспекты и аспекты, связанные со способностями, так и обусловленные характеристиками рабочих мест, населения. Относи-

тельно мотивационных аспектов и аспектов, связанных со способностями, отметим, что, например, ответственность за происходящее, готовность влиять на состояние дел, способность объединяться для решения поставленных вопросов оказывают положительное влияние на формирование потенциала социального взаимодействия, создают предпосылки для учета позиции остальных, кооперации при решении возникающих социальных задач. Помимо этого показано, что на вовлеченность населения в социальные практики влияет трудоустройство по творческой профессии, которое сопровождается не только большим участием в социальных проектах, но и использованием новых технологий, усвоением современных образцов поведения. Тем самым, за счет трудоустройства населения на рабочие места, где предъявляются требования к их творческому потенциалу, создаются предпосылки для его развития, а также участия населения в социальных практиках, которые могут иметь инновационную направленность. Как среди барьеров, так и среди стимулов, влияющих на вовлеченность населения в социальные практики, большое значение отводится материальным аспектам, что подчеркивается практически каждым четвертым опрошенным. Нематериальные же аспекты в большей

Таблица 10. Барьеры участия в социальных проектах, % от числа ответивших

Барьеры	%
1. Не хватает времени, много работаю, занят(а) – работа/учеба, семья, дети	50,4
2. Нет сил и здоровья	18,0
3. Мне это не интересно, нет желания	12,9
4. Мало информации о том, что это такое	6,6
5. Не уверен(а) в пользе общественной деятельности	4,9
6. Лень, отсутствие стимула	4,1
7. Отсутствие знаний, опыта, которые можно применить на практике	3,6
8. Отсутствие в моем населенном пункте подобных проектов	1,4
9. Отсутствие интересных проектов	1,2
10. Не знаю, куда обратиться для того, чтобы принять участие	1,2
11. Неодобрение окружающих	0,7
12. Отсутствие материальной выгоды	0,7
13. Административные барьеры	0,5

Источник: данные опроса «Социальное здоровье – 2019. Регионы СЗФО». ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019 год.

степени связаны с заинтересованностью людей в участии в проекте, его актуальностью, осознанием его общественной значимости и реализуемости. Помимо этого, важную роль также играет наличие информации о социальном проекте, а также опыт участия в подобных инициативах ближнего окружения.

Формирование у работника побуждающего фактора к самореализации творческого мышления, креативности позволяет генерировать новые идеи и создавать новые продукты. Ряд компаний (например JTI, METRO, Норильский никель, Евросеть и т. д.) имеет корпоративные программы [29], предполагающие использование комплексного подхода к стимулированию сотрудников, сочетающего материальные и нематериальные аспекты. При этом в ряде случаев считается, что применение нематериальных форм стимулирования позволяет оказывать более действенное влияние на результаты труда. Сегодня получают распространение различного рода стажировки за счет фирмы, подчеркивание важной роли сотрудника (например, шеф здоровается с ним за руку и приглашает на закрытую вечеринку в честь своего дня рождения, советуется с ним по важным вопросам и т. д.), предоставление сотруднику большей самостоятельности в принятии решений. Одной

из наиболее действенных форм стимулирования является участие в партисипативном управлении, связанное с взаимным признанием интересов членов организации и ориентированное на вовлечение талантливых и креативных сотрудников в управление организацией на основе их карьерного продвижения и участия в инновационных проектах. Отметим, что использование обозначенных выше форм стимулирования зачастую способствует увеличению доверия к руководству организации, лучшему пониманию происходящих на организационном уровне процессов, видению своего места в коллективе и своих возможностей в ходе реализации групповых проектов, создания предпосылок не только для развития, но и для реализации накопленного потенциала, в т. ч. и через участие в социальных практиках [30, с. 205–208]. Тем не менее продолжает сохраняться ряд проблем, среди которых невысокий уровень применяемых технологий и инструментов управления человеческим капиталом работников (большая востребованность традиционных инструментов, связанных с обучением на рабочем месте, участием в конференциях, курсах и тренингах); ориентация на ситуационный, а не на системный подход к управлению; существование в общей

практике управления разрыва между знаниями и действительностью (недостаточно эффективное использование на практике методов управления) [31, с. 43].

ЛИТЕРАТУРА

1. Татаркин А.И., Котлярова С.Н. Региональные институты развития как факторы экономического роста // Экономика региона. 2013. № 3. С. 9–18.
2. Полтерович В.М. Институты догоняющего развития (к проекту новой модели экономического развития России) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 5. С. 34–56. DOI: 10.15838/esc/2016.5.47.2
3. Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. Institutional Causes, Macroeconomic Symptoms: Volatility, Crises and Growth. *Journal of Monetary Economics*, 2003, vol. 50, pp. 49–123.
4. Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации. М.: Акад. проект, 2003. 525 с.
5. Шабунова А.А., Гужавина Т.А., Кожина Т.П. Доверие и общественное развитие в России // Проблемы развития территории. 2015. № 2 (76). С. 7–19.
6. Ильин В.А., Шабунова А.А. Социологическое измерение эффективности государственного управления // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 2 (32). С. 18–35.
7. Бадковский Д.В. Модернизация России: снова на развилке // Россия в глобальной политике. 2009. № 3. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_13201 (дата обращения 27.08.2019).
8. Гаман-Голутвина О.В. Метафизика элитных трансформаций в России // Полис. 2012. № 4. С. 23–40.
9. Глушко И.В. Осмысление феномена социальных практик и возможностей их развития. URL: http://dom-hors.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/fik/1-2011-1-2/glushko.pdf (дата обращения 08.07.2019).
10. Schatzki T.R. *Social practices: a Wittgensteinian approach to human activity and the social*. New York: Cambridge University Press, 1996.
11. Tuomela R. *The philosophy of social practices: a collective acceptance view*. New York: Cambridge University Press, 2002.
12. Schatzki T.R. On Organizations as they Happen. *Organization Studies*, 2006, vol. 27 (12), pp. 1863–1873.
13. Tuomela R. *The Philosophy of Sociality: the Shared Point of View*. Oxford: Oxford University Press, 2007, 327 p.
14. Reckwitz A. Toward a theory of social practices a development in culturalist theorizing. *European journal of social theory*, 2002, vol. 5 (2), pp. 243–263.
15. Giddens A. *The Constitution of Society*. Los Angeles: University of California Press, 1984.
16. Latour B. *Power, Action and Belief: a New Sociology of Knowledge?* London: Routledge & Kegan Paul, 1986.
17. Rouse J. Two concepts of practice. *The Practice Turn in Contemporary Theory*. London: Routledge, 2001, pp. 189–198.
18. Knorr-Cetina K. Objectual practice. *The Practice Turn in Contemporary Theory*. London: Routledge, 2001, pp. 175–188.
19. Carrier J. Reconciling Commodities and Personal Relations in Industrial Society. *Theory and Society*, 1990, vol. 19 (5), pp. 579–598.
20. Воронцов А.В., Громов И.А. Теоретико-методологические основания социологии П. Бурдьё // Вестн. Моск. ун-та. Сер. № 18 «Социология и политология». 2010. № 4. С. 82–102.
21. Garfinkel H. *The Origins of the Term «Ethnomethodology»*. Baltimore: Penguin, 1974.
22. Иванова А.С. Этнометодологический проект Г. Гарфинкеля и современная «этнография науки» // Вестн. РУДН. 2011. № 4.
23. Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2003, 568 с.
24. Резник Ю. Человек и его социальные практики. URL: http://www.intelros.ru/pdf/chelovek/2008_4/6.pdf (дата обращения 08.07.2019).
25. Шугальский С.С. Социальные практики: интерпретация понятия // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 276–280.

26. Глушко И.В. Осмысление феномена социальных практик и возможностей их развития. URL: http://dom-hors.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/fik/1-2011-1-2/glushko.pdf (дата обращения 08.07.2019).
27. Попов Е.В., Веретенникова А.Ю., Омонов Ж.К. Институциональный механизм формирования социальных инноваций // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 5. С. 57–75. DOI: 10.15838/esc/2016.5.47.3
28. Горшков М.К. Российское общество в контексте новой реальности. К итогам и продолжению социологического мегапроекта. М.: Весь Мир, 2017. 104 с.
29. Akhmetshin E., Morozov I., Pavlyuk A. [et al.]. Motivation of personnel in an innovative business climate. *European Research Studies Journal*, 2018, vol. 21 (1), pp. 352–361.
30. Устинова К.А., Гордиевская А.Н. Современные формы и методы мотивации творческой трудовой активности населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 3. С. 203–219. DOI: 10.15838/esc.2019.3.63.13
31. Устинова К.А., Губанова Е.С., Леонидова Г.В. Человеческий капитал в инновационной экономике. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. 195 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ксения Александровна Устинова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ustinova-kseniya@yandex.ru

Ustinova K.A.

PUBLIC PARTICIPATION IN SOCIAL PRACTICES: INCENTIVES AND BARRIERS

The article shows the relevance of social practices study which is substantiated not only by the need of transition to an innovative development type including the creation of social projects of innovative orientation, but also by the lack of an unambiguous interpretation of this concept. The aim of the work was to study the population's participation in social practices and identify its incentives and barriers. The information base included data on monitoring the quality of the population's labor potential, sociological research "Social Health" (VolRC RAS), as well as the monitoring of civil society state (HSE). Various approaches to the interpretation of social practices are presented, their components are highlighted. Public engagement in social practice is analyzed in the context of motivational and regulatory components and a component related to abilities, both in terms of socio-demographic groups (the respondents' age and sex characteristics were taken into account) and territorial aspect. The study identified the barriers and incentives for the population's involvement in social practices. Among the first is the lack of desire and interest in such initiatives, employment and lack of time. Among the second is the confidence in the real benefits of such activities, experience of participation in practices, willingness to be engaged in creative labor activity at work and employment in the creative sphere. It is shown that the stimulation of employees to participate in social practices should be based on a comprehensive approach that allows combining material and non-material aspects. An important role should be given to participatory management involving talented and creative employees in the organization management on the basis of their career advancement and participation in innovative projects.

Social practices, types of social practices, incentives and barriers to participation in social practices, willingness to participate in social projects, willingness to unite with others for any joint action, responsibility for the state of affairs, ability to influence the events.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ksenia A. Ustinova – Ph.D. in Economics, Senior Research Associate, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ustinova-kseniya@yandex.ru